

СПИД без метафоры: Зонтаг и ее борьба за болезнь

ДМИТРИЙ КРАЛЕЧКИН

Философ, переводчик, независимый исследователь (Москва).

E-mail: euroontology@mail.ru.

ИННА КУШНАРЕВА

Культуролог, переводчик, кинокритик (Москва).

E-mail: inna.kushnaryova@gmail.com.

Ключевые слова: Сьюзан Зонтаг; болезнь; СПИД; метафора; деметафоризация.

В статье рассматривается стратегия деметафоризации Сьюзен Зонтаг, избранная ею в работе «СПИД и его метафоры». Программа Зонтаг, как она изложена в работе «Против интерпретации», находит удобное поле применения в области таких болезней, как рак или СПИД, которые неизменно становились предметом метафорического описания, склоняющего к поучениям и морализациям. Модернистский идеал деинтерпретации, предложенный Зонтаг, позволяет мыслить болезнь как четкую этиологическую единицу, сфокусированную самим процессом редукции различных метафорических слоев, мифов и воображения. В статье указывается, что практическая и одновременно семиологическая операция Зонтаг может пониматься как критика и контрмера по отношению к традиции холистской медицины, в наши дни обычно называемой «альтернативной». На Западе такая медицина, восходящая к античным, в частности стоическим, образцам, предпо-

лагала возможность уравнивания моральных ошибок и болезней, грехов и симптомов.

Зонтаг полагает, что метафоры не просто бесполезны, но и вредны, поскольку они задают неверную программу терапии болезни и больного, например предписывая мобилизацию или здоровый образ жизни там, где он не имеет никакого значения. В статье анализируются некоторые проблемы деметафоризации по Зонтаг, в частности указывается на то, что выделение и выявление болезни как таковой не является чем-то предшествующим метафоре, даже если природа болезни хорошо известна. Отдельную проблему составляют болезни, природа которых или лечение неизвестны, по крайней мере на данном историческом этапе. Подход Зонтаг предполагает корреляцию болезни как выделенной сущности и препарата выбора или точного терапевтического метода, но такая корреляция достижима далеко не всегда.

ЗА БОЛЕВ раком груди, Сьюзан Зонтаг, как и большинство пациентов в те годы, столкнулась со множеством рекомендаций и наставлений, стала объектом морализаций, среди которых было и требование отказа от курения. Но, в отличие от многих других, она продолжила курить, полагая, что пагубность дыма — лишь одна из вариаций туманной вселенной метафор, мифов и предрассудков, которыми окружена любая болезнь и даже смерть. Курение стало для нее не столько вызовом, сколько позитивистским пренебрежением. «Болезнь как метафора» и написанный спустя десять лет после первого ракового эпизода текст «СПИД и его метафоры» кажутся пропитанными этим демонстративным дымом, внушающим читателю: все, что тебе пытаются рассказать о подноготной болезни, о ее условиях, предпосылках, корнях и «расцветах», — чушь, *bullshit*, эффект метафоры, выгодный разве что самопальным гуру, делающим свой гешефт. Текст пыхтит этим дымом в лицо читателю, окуривая его и изгоняя одним дымом другой, — дымом просвещенного презрения рассеиваются благовония метафор и сомнительных снадобий.

Метафоры осаждают болезни — точно так же, как сами болезни «осаждают» нас, создавая устойчивый топос «тела в осаде», защиты и нападения, профилактики как обороны или мобилизации. Ирония, пусть самой Зонтаг, видимо, и не вполне улавливаемая, в том, что в работе «Против интерпретации» интерпретации с самого начала описываются в метафорических терминах, в том числе как внешний захватчик¹. В «Болезни как метафоре» и в «СПИДе и его метафорах», написанных, когда выяснилось, что метафорический багаж рака был успешно перенесен на другую группу больных, пусть и с несколькими важными поправками, метафора никогда не уподобляется болезни, то есть, хотя болезнь уже дана нам как метафора (и не просто дана, но продана и навязана), метафора как болезнь не задана. Формально отсылая к аристотелевскому определению метафоры, Зонтаг дальше этого в теории не продвигается. Инфекционные болезни особенно хорошо притягивают метафоры — вместе с вирусами мы передаем значения и лишние

1. «Другой автор, облепленный интерпретаторами, как пиявками, — Сэмюэл Беккет» (Зонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М.: Ad Marginem, 2014. С. 18).

смыслы, которые путешествуют верхом на микроорганизмах, оказываясь меньше самого малого. Однако Зонтаг не обращает внимания на то, что метафора для нее остается своего рода слепым пятном — внешним агентом, единичной риторической операцией, которая проникает и прилепляется, пробирается украдкой и таится, то есть делает практически все то же самое, что и болезнь вроде рака и СПИДа, но при этом, с ее точки зрения, представляет собой что-то принципиально иное. Зонтаг пишет о болезни, вернее, о ее узусе, а не метафоре, не интересуется теорией последней. И это еще более заметно, если учесть, что к концу 1980-х годов метафора не только стала предметом теоретических исследований, вышедших далеко за пределы классической риторики (где она лишь одна из фигур), но и была подвергнута деконструкции (достаточно вспомнить «Белую мифологию» Деррида²), поскольку сам концепт метафоры (переноса/перевоза значений с собственного на несобственное, с одного употребления на другое) уже предполагает собственное и чужое. Однако если нет собственного, исконно-своего, то нет и метафоры. Но целям Зонтаг такая деконструкция или тем более усмотрение инфекционной природы в самой метафоре не отвечает.

Ее задачи одновременно критические и терапевтические. Критикой языка она намеревается создать пространство, в котором больной сможет занять правильную позицию по отношению к самому себе. В этом смысле Зонтаг стремится сделать нечто обратное тому, чем со времен Античности занимались врачи-философы, начиная с Галена и стоиков³, все те, кто неизменно видел в ситуации болезни один из элементов большого экзистенциального пазла, который складывается поучениями, рекомендациями, консультациями и наставничеством. То есть больной прежде всего ученик, который что-то делает неправильно, причем не только и не столько на телесном уровне, а потому болеет. Древняя медицина, как во многом и современная, и особенно «альтернативная», была построена на быстром метафорическом переносе: тело легко приравнивается к государству, психическая жизнь — к телесной, моральные ошибки — к болезням, а подвиги — к выздоровлению. Кажется, что в древности свирепствовала не только чума как бактериальная инфекция, но и попросту «чума фантазий»⁴: врачи и философы виде-

2. Деррида Ж. Белая мифология. Метафора в философском тексте // Он же. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 242–311.

3. См., в частности, анализ связей этики, врачевания и мореплавания у Фуко: Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М.: Дело, 2020. С. 273 и далее.

4. Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный центр, 2012.

ли в болезнях слишком многое, намеренно их переоценивали, усматривали параллели там, где их не было. Но именно это позволяло им не ограничивать болезнь собственно «болезнью» (если таковая вообще возможна), действовать интуитивно и наугад и, главное, ставить больного лицом к лицу с его собственной жизнью, которая была прожита неправильно, не по уму, а потому он болеет. У такого холистского подхода были существенные преимущества, в частности оптимизм, поскольку начать лечиться, то есть учиться, никогда не поздно. Разумеется, лечиться в модусе учебы можно не всегда, но в большинстве случаев врач-философ мог найти окольный путь к болезни пациента, к его экзистенциальной драме, страстям и недугам, которые находились на одном онтологическом уровне.

Зонтаг, разумеется, ничего не говорит о древней медицине или ее философских, в частности стоических, основаниях, поскольку имеет дело с продуктами полураспада этой традиции: холистская медицина превратилась в «альтернативную», дав бурную поросль в эпоху *New Age*. Зонтаг требует отказаться от всего этого многовекового метафорического слоя, то есть бреда и шарлатанства, чтобы болеть, если уж довелось заболеть, без дураков, «просто болеть» (если такое возможно), не «накручивая себя», как мы сказали бы сегодня. Разумеется, можно задать вопрос: не является ли само это требование своего рода клинической реакцией на ее собственную смертельно опасную болезнь, чем-то вроде отрицания? Мемуары ее сына Дэвида Риффа⁵ показывают, что, видимо, во многом так и есть: выступая в своем тексте за стратегию деметафоризации и деинтерпретации, Зонтаг в своей собственной жизни пережила все муки метафорического вторжения, отчасти согласившись даже с тем, что рак, как утверждал психоаналитик Вильгельм Райх, и в самом деле может быть следствием подавленных влечений, экзистенциальной трусости, непрожитой жизни. Но официально, *ex cathedra*, она требует прямо противоположного: не поддаваться на провокации и морализации, то есть на метафоры, которые желают связать реальность болезни с устойчивыми семантическими очагами, узнаваемыми фокальными точками. Поменьше фантазий — вот главный принцип правильного, по Зонтаг, больного, который должен отказаться от экзистенциальной паники, перестать искать глубинный смысл того, что с ним происходит. Ведь только смысл обеспечивал универсальную проницаемость античного микро- и макрокосмоса, обладавшего хорошими терапевтическими свойствами. Но у болез-

5. Rieff D. *Swimming in a Sea of Death: A Son's Memoir*. N.Y.: Simon & Schuster, 2008 (reprint ed.).

ни, по Зонтаг, нет никакого смысла, это просто событие, происшествие, и не нужно ничего за ним искать, как бы ни хотелось.

СПИД к 1980-м годам становится главным переносчиком метафор, которые ранее Зонтаг обнаружила в раке. Собственно, все политическое поле делится метафорическими войнами: с одной стороны, те, кто радостно подхватил метафору распущенности-и-расплаты (указав на то, что болеет СПИДом якобы не «население», то есть средние классы, а отщепенцы, гомосексуалы и богема), и те, кто решил ответить им критикой, правда, не менее метафорической, поскольку она опирается на образы тотальной осады, войны, требующей, в свою очередь, мобилизации. Военные метафоры, бытовавшие в обиходе болезней с древних времен, представляются Зонтаг безусловно вредными, поскольку они, как и любые другие, отвлекают больного и его окружение, врачей и общество. Не вполне, правда, понятно, от чего именно отвлекают метафоры, где та точка *неметафорической* сборки реальности болезни, которую нужно иметь в виду и которая могла бы притягивать к себе больного в его практике излечения. Успешно пережив рак, вылечившись с помощью экспериментального на тот момент лечения, Зонтаг удачно связала свой собственный теоретический (или антитеоретический) пафос «Против интерпретации» с практикой успешной дефляции болезни, которая должна быть низвергнута с метафорических или литературных высот, и только тогда она станет предметом успешного лечения. Нельзя сказать, что такая позиция или фигура больного уникальна — достаточно зайти на современные медицинские форумы, чтобы встретить тех, кто требует относиться к болезни как независимому, чисто природному физиологическому событию, не размениваясь на историю больного или психосоматический туман. До всего можно в конечном счете докопаться, во всем разобраться, все установить, и почти все можно вылечить. А если нельзя — то это уж точно не вина больного или врачей. Не все лечится, но в будущем, возможно, будет лечиться все, и больной, по сути, должен уже жить в этом будущем, где все излечимо, может быть, даже сама смерть. При этом он должен не только сам занимать правильную когнитивную, то есть антиметафорическую, позицию, но и подталкивать к ней других, в том числе врачей, которые нередко склонны к морализации и метафоризации. То есть идеальный больной, по Зонтаг, человек активный, позитивный и практически здоровый, и, самое главное, он не позволяет себе впасть в холистские фантазии, увидеть за болезнью след и следствие того или иного греха, неверного поступка или образа жизни. Другими словами, больной, каким надо быть, по Зонтаг, тот, что не смешивает болезнь

с самим собой. Он «болеет» не потому, что он «такой». Он просто болен. Просто вылечивается. Иногда просто умирает.

Это все, конечно, непросто, поскольку метафор, отягощающих собою болезнь, настолько много, что часто саму болезнь за ними не видно. Так, стигматизация, обусловленная положительным анализом на ВИЧ, возникает гораздо раньше, чем какие-либо паталогические проявления СПИДа. Вроде бы благонамеренные попытки «объяснить» СПИД или рак, а также провести ту или иную профилактику, предохраниться от болезней, принять рациональные меры и т. д. — все это неизбежно утопает в метафорах, которые сами руководят нашими действиями, так что нам остается лишь довериться им. По сути, метафоры у Зонтаг слишком удобные, слишком податливые инструменты, позволяющие понимать там, где на самом деле понимать ничего не надо. Это, разумеется, порождает проблему: что делать в том случае, когда реальность болезни неизвестна, когда не всегда даже понятно, в чем именно заключена болезнь и уж тем более как ее лечить? Например, в начале XX века средоточием метафор оставался туберкулез, долгое время выступавший своего рода возвышенным вариантом различных «порочных» болезней, — достаточно вспомнить «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. Возбужденность, ранимость и одновременно чрезвычайная продуктивность больных туберкулезом складываются, как показывает Зонтаг, в устойчивый миф, частично пересекающийся с метафоризацией СПИДа как болезни культурного авангарда, представителей богемы и сексуальных меньшинств, художников, режиссеров и философов (Дерек Джармен, Мишель Фуко, Фредди Меркьюри, Айзек Азимов). Однако долгое время все профилактические меры, как они формулировались официальными источниками, в том числе медицинскими, в случае туберкулеза были, как полагает Зонтаг, по сути тоже метафорическими: предписывался все тот же «здоровый образ жизни», чистый воздух, солнце, жизнь на природе и вдали от дымных городов. Одному комплексу метафор может оппонировать лишь другой. Но что, собственно, оставалось делать до изобретения «антибиотиков», которые позволяют вылечить болезнь, не пользуясь всем этим сомнительным арсеналом метафор и снадобий? Иначе говоря, что именно должны были делать люди, пока они ничего не знали о реальности своей болезни или не умели ее лечить? Как именно они должны были противодействовать собственной склонности к метафоризации (то есть осмыслению ситуации болезни), пока у них не было доступа к собственно реальности болезни? Похоже, что с позиции Зонтаг больной, если у него нет средств пробиться к реальности болезни (разобраться в ней

и докопаться до нее, пользуясь официальным медицинским знанием), должен практиковать своего рода семантическое воздержание. Но сделать это в условиях публичного разгула метафор, подкрепляемых вполне действенными мерами (такими как карантин, изоляция, интернирование), не так-то просто. То есть больной должен жить в мире денотата, даже если этот мир отложен до будущего.

Занявшись критикой метафор, остановиться крайне сложно. Речь даже не просто о морализациях и поучениях, которые особенно не нравятся Зонтаг. Разумеется, если больной не имеет никакого отношения к болезни, если он ни при чем, то он должен быть свободен от нравочений, чего, собственно, и требует Зонтаг. Но метафора — не просто внешний слой социального ответа на болезнь, интерпелляции больного и не просто способ перевести его из режима болезни в режим своего рода педагогики, предписывающей ему заботиться о себе, воздерживаться, соблюдать диету и т. п. По большому счету болезнь начинает пользоваться метафорами (что, с точки зрения Зонтаг, вызывает ненужные страдания и только затуманивает картину), как только она вообще начинает описываться, называться и выделяться в качестве болезни. Например, можно ли изъять базовую метафору «заражения», «контагиозности», «чистоты» и «грязи» из описания инфекционных болезней — СПИДа во времена Зонтаг или сегодняшнего ковида? Инфекционист, конечно, скажет, что в заражении как таковом нет ничего метафорического — это достаточно сложный биохимический процесс, который можно реконструировать на уровне биофизики и биохимии. Однако мы описываем его «в общих чертах», создаем общую картину, которая сводит множество реалий к одной, и для этого нужны инструменты, которые, что самое важное, существовали задолго до того, как мы узнали что-то о вирусах или бактериях. Если, по Латуру, микробов не существовало до Пастера, то заражение как раз существовало — просто потому, что оно составляет метафорический континуум с такими обыденными вещами, как загрязнение и проникновение, вторжение чужого в свое, которое понимается в качестве повода для очистительной или искупительной процедуры. Метафорический уровень описания оказывается не просто чрезвычайно удобным (а потому и опасным, по крайней мере с точки зрения Зонтаг), но еще и относительно независимым от того, что он описывает. Болезни в этом смысле не могут быть радикально отличены от того, что люди знали с давних пор, например от шпионов, переходящих границу, загрязнения, поломки того или иного механизма и т. п. Даже в том случае, когда метафора вроде бы «совпадает» с реальностью заболевания, например с заражением, она все

равно остается метафорой хотя бы потому, что указывает на простоту и понятность, где последняя совершенно не гарантирована, где за одним удачным выражением, оборотом скрывается много такого, что можно описать разве что цепочкой уравнений. Вернее будет сказать, что такое «реальное» заражение (при переливании крови или половом контакте) даже не скрыто метафорой, оно существует где-то отдельно, независимо от нее, поскольку метафора появилась намного раньше сколько-нибудь верифицируемого знания о болезни и умрет наверняка гораздо позже этого знания.

Эпистемологический и одновременно этиологический идеал Зонтаг, который можно вынести из ее цикла о «болезни», — это своего рода четкость, сфокусированность, которой метафоры мешают, создавая туман, дым или, как в случае туберкулеза, флер. Все эти туманные субстанции — не что иное, как метафора метафоры, и именно их следует устранить, чтобы занять правильную, едва ли не позитивистскую позицию. Но реальность самой болезни Зонтаг не определяется: похоже, что болезнь — это просто то, что останется после окончательного развеивания тумана, после демифологизации и демегафоризации, которой, однако, конца-краю не видно. Пример туберкулеза, который долгое время пытались лечить свежим воздухом и здоровым климатом, хотя возможность его реального лечения появилась только с изобретением антибиотиков, говорит о том, что для Зонтаг реальная болезнь — та, которая поддается однозначному, без дураков лечению, то есть та, что коррелирует с так называемым препаратом выбора, *drug of choice*. Или, по крайней мере, с точной терапевтической методологией. Антибиотики впервые раскрывают реальность бактериальных болезней именно потому, что находят к ним подход, получают к ним доступ, поскольку они избирательно действуют на них и ни на что другое. То есть реальность — то, что определяется через метафору теста или мишени, то, для чего можно найти специфическую лакмусовую бумагу, изолирующую данный объект в качестве абстрагированного от всего остального — от тела больного, его истории, его идей и среды. Только таким экспериментальным образом можно нащупать реальность болезни, которая тем самым обособляется, оказываясь индивидуальной этиологической единицей, а не просто размытым по всему телу или по всей психике «недомоганием», «плохим самочувствием», болями и т. п. Боли, кстати говоря, еще один туманный феномен, телесный родственник метафор, с которым Зонтаг стоило бы побороться, ведь часто боль говорит совсем не о том, о чем должна говорить, или вообще ничего не говорит, но сосредоточивает на себе — прямо как метафора — все внимание.

Несложно понять, что такое понимание болезни как точечного, выделенного, проверяемого специальным тестом или препаратом выбора явления само завязано на определенные метафоры мишени, попадания, выявления скрытого, например шпионов, заговорщиков или подрывных элементов. Парадоксальным образом инфекционные болезни — одновременно наиболее и наименее удобный для Зонтаг объект, поскольку они, с одной стороны, более других склоняют к активации всего метафорического словаря болезней (мобилизации и распушенности, воздержания и порока, индивидуализма и солидарности), неявно указывая на то, что метафора всегда была заражением (чего Зонтаг как раз признавать не хочет), но, с другой стороны, они же более всего подходят под эпистемологический идеал изолированной, точечной, сфокусированной болезни, сводимой до твердого ядра, буквально до инородного тела, которое можно выделить и обособить, каким бы хитрым и изворотливым оно ни казалось. Ведь далеко не так просто работать с общими «расстройствами» и «слабостями», с помутнениями рассудка, лишней потливостью или зябкостью, со всем многообразием симптомов, ускользающих и почти что отсутствующих, которыми, к примеру, может страдать ипохондрик, но также и действительно больной человек (что бы ни значила «действительность» его болезни). Все эти расстройства, в наши дни обычно считающиеся вариантом «психосоматики», презрительно отвергаются Зонтаг как всего лишь телесный вариант все тех же метафорических туманностей и мутностей. Кажется, что на каком-то уровне тело само вступает в сговор с метафорами, но именно в этом пункте нужно занять непреклонную позицию: если уж болеть, то болеть чем-то серьезным и определенным — раком, СПИДом, ковидом. Реальная болезнь — та, по поводу которой у субъекта не может быть сомнений, которая может быть удостоверена независимо от его опыта, никак не определяясь мнением больного о ней. Кажется, Зонтаг говорит нам: болеть надо четко, без мнительности и сентиментальности (еще одна мишень для ее критики), но, получается, так болеть можно далеко не всегда и не во всех случаях, и не все так болеют. Ее идеал — скорее идеал доктора Хауса, который неизменно доискивается до какой-то причины, в которой, правда, часто совмещается тот или иной экзистенциальный «косяк» («все врут») с реальной «причиной» (инфекцией, генетическим заболеванием и т. п.). Точно так же Зонтаг не жалуется (по крайней мере, в своем тексте) больных, которые сами падали на метафоры, поскольку на них же падло их тело, пребывающее в вечной неопределенности, в лимбе между болезнью и здоровьем. В этом она вместе с доктором Хаусом неожиданно смыкается

со стародавней практикой «испытания» субъекта — вот только испытывать надо не его сознание или совесть (на предмет греховности или вины), а его тело, обязанное самостоятельно сдаться под напором научных методов и воли больного, призванных разогнать метафорические тучи, омрачающие его статус, который следует наконец определить — плюс или минус, болен или нет.

Задаваясь вопросом, как лучше болеть, если уж пришлось, Зонтаг, однако, не доходит до главного вопроса: не является ли болезнь собственно метафорой, тем, что даже в случае наиболее четкой и точной диагностики конкретного заболевания остается подчиненным метафорическому коду своего и чужого, случайного и основного, не позволяющему выделить денотат болезни, с которым должен остаться успешный больной? Болезнь, чтобы мы вообще ее заметили, исходно требует соотнесения собственного и несобственного, внутреннего и внешнего, указывая на то, что ее можно описать лишь как один из вариантов метафоризации, то есть переноса значений с одной вещи на другую, каковой перенос всегда остается в какой-то мере внешним, произвольным. Увидеть в болезни болезнь — значит не усмотреть в ней некую сущность болезни, а прежде всего сравнить ее с чем-то уже знакомым (например, с поломкой машины или вторжением вражеских войск), надеясь, что такое сравнение поможет справиться с болезнью. Дело даже не в том, что тело в своих недомоганиях и расстройствах заражается метафорами, то есть туманами и дымками неясности, а, скорее, в том, что целевая болезнь с самого начала, как только мы начали иметь с ней какое-то дело, то есть заболели, уже встроена в цепочку различий, в которых только и возможна метафора. Иными словами, не будь мы метафорическими существами, мы бы, возможно, не болели. Не определяйся тело в качестве такого собственного, которое способно подхватывать нечто иное, ему чужеродное и инородное, но при этом цепкое, оно, возможно, не испытывало бы страданий. Так что, вероятно, идеалом Зонтаг оказывается не только единичная, протоколно-выделенная, хорошо сфокусированная болезнь, но и такое демегафоризованное, поистине нечеловеческое тело, которое просто не в состоянии заболеть в нашем смысле этого слова, заболеть и не припасть к тезаурусу метафор. Гипотетическое «тело по Зонтаг» могло бы претерпевать некоторые биохимические изменения и даже погибать, но это не болезнь в нашем смысле слова, не «эффект» болезни, который всегда остается поверхностным, сборным, прочерченным грубыми и одновременно нечеткими оппозициями нормальности и ненормальности, обычности и необычности, порядка и исключения. Возможно, освободившись от такого метафорического и одно-

временно метафизического багажа, тело и правда смогло бы наконец вылечиться — в том смысле, что оно болело бы исключительно в позитивистском, неозначенном, бессмысленном режиме, не страдая, но лишь претерпевая. Но, по всей видимости, до такого уровня телесной «аугментации» и редукции не дошла и сама Зонтаг.

Позиция Зонтаг, парадоксальным образом увидевшей в медиализации тот модернистский идеал деинтерпретации, который был выдвинут ею ранее, — идеал, направленный против упрощения, схематизации и «понимания», — сегодня может реализоваться, как ни странно, даже у людей, страдающих психическими расстройствами, которых призывают отнестись к этим расстройствам не как к части своей личности, а как к болезни, чему-то внешнему и поддающемуся регуляции фармацевтическими средствами. В этом смысле ошибка классического невротика или ипохондрика в том, что он слишком верит собственным состояниям, слишком залипает в них, полагая, что они обращены к нему лично, что они что-то о нем говорят, но он не может расслышать, что именно. Точно так же Оливер Сакс в своей работе о галлюцинациях⁶ указывает на то, что сами галлюцинации не являются признаком психической болезни, они могут возникнуть у кого угодно, и только психически больной принимает их как нечто обращенное к нему лично, вступает с ними в общение, ориентируется на них в повседневной жизни. Проблема не в том, что он слышит голоса, а в том, что он пытается с ними разговаривать. Так и Зонтаг призывала нас к тому, чтобы не вступать в диалог с голосом болезни, который, разумеется, говорит языком метафор и мифов. Возможно, больной СПИДом в ту историческую эпоху, о которой писала Зонтаг, должен был стремиться к этому идеалу неинтерпеллируемости болезнью, и, возможно, при современном состоянии лечения он даже смог в какой-то мере его достичь. Но способны ли мы на это в целом, особенно если голос болезни настойчив? Каждый может выяснить это на собственном опыте.

Библиография

- Деррида Ж. Белая мифология. Метафора в философском тексте // Он же. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 242–311.
- Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный центр, 2012.
- Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М.: Ad Marginem, 2014.
- Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М.: Дело, 2020.
- Rieff D. *Swimming in a Sea of Death: A Son's Memoir*. N.Y.: Simon & Schuster, 2008.
- Sacks O. *Hallucinations*. N.Y.: Vintage, 2013.

6. Sacks O. *Hallucinations*. N.Y.: Vintage, 2013.

AIDS WITHOUT METAPHOR: SONTAG AND HER STRUGGLE WITH DISEASE

DMITRIY KRALECHKIN. Philosopher, translator, independent scholar, Moscow, euroontology1@mail.ru.

INNA KUSHNARYOVA. Cultural and film critic, translator, Moscow, inna.kushnaryova@gmail.com.

Keywords: Susan Sontag; illness; AIDS; metaphor; demetaphorization.

The article considers the demetaphorization strategy which Susan Sontag used in her essay *AIDS and Its Metaphors*. The program that Sontag put forward in *Against Interpretation* is readily applicable to diseases such as cancer or AIDS, which inevitably become entangled in metaphorical descriptions that encourage sermonizing and moralism. The modernist ideal of avoiding interpretation that Sontag proposed would enable thinking about a disease as a distinct etiological entity brought into sharp focus by the very process of stripping away its cloak of metaphorical layers, myths and imaginings. The article suggests that Sontag's strategy, which is both practical and semiological, can be understood as a critique of the tradition of holistic medicine usually called "alternative" as well as a countermeasure to it. Medicine of that kind in the West harks back to ancient paradigms and in particular to Stoicism by presupposing that moral errors can be equated with diseases and sins with symptoms.

Sontag believes that metaphors are not only useless but also harmful in that they impose a mistaken therapeutic program for both disease and patient, for example, by prescribing exercise or a healthy lifestyle when they are irrelevant. The article analyzes some problems in Sontag's demetaphorization and argues in particular that the isolation and detection of a disease as such are not somehow antecedent to metaphor, even if the nature of the disease is well understood. Diseases whose nature or treatment are unknown, at least at a given point in history, are an additional problem. Sontag assumes a correlation between a disease as an isolated entity and a drug of choice or a precise therapeutic method, but that correlation cannot always be made.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-1-53-63

References

- Derrida J. Belaia mifologija. Metafora v filosofskom tekste [La mythologie blanche. La métaphore dans le texte philosophique]. *Polia filosofii* [Marges de la philosophie], Moscow, Akademicheskii proekt, 2012, pp. 242–311.
- Foucault M. *Rech' i istina. Lektsii o parresii (1982–1983)* [Speech and Truth. Lectures on Parrhesia (1982–1983)], Moscow, Delo, 2020.
- Rieff D. *Swimming in a Sea of Death: A Son's Memoir*, New York, Simon & Schuster, 2008.
- Sacks O. *Hallucinations*, New York, Vintage, 2013.
- Sontag S. *Protiv interpretatsii i drugie esse* [Against Interpretation and Other Essays], Moscow, Ad Marginem, 2014.
- Žižek S. *Chuma fantazii* [The Plague of Fantasies], Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr, 2012.